

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 6 || 8 ФЕВРАЛЯ || ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЛЬНО || 1942 ГОД || Цена 45 коп.

ДЕЛО ЧЕСТИ ХУДОЖНИКА

Восьмой месяц германской Белой Армии, весь советский народ ведет борьбу с немецко-фашистскими оккупантами и захватчиками. В этой борьбе, показавшей всему миру несокрушимую прочность советского строя и сплоченность народа нашего Союза, вождем Ленин — Останкин, советская интеллигентность придает самое активное непосредственное участие. Ученый отдает все свои знания делу обороны страны, изобретатель и инженер куют новое грозное оружие, публицист, писатель, поэт, композитор, художник в слове и песне, в живописи и скульптуре выражают всенародный патриотический подъем, запечатлевают подвиги храбрых, тех, кто, не щадя своей жизни, отстаивает честь и свободу нашей Родины!

Продолженное величие содержанием отечественной войны художественное творчество наших дней останется в веках превышеющим свидетельством морального величия и мужества советских людей.

Уже в первые месяцы войны художники и скульпторы советской страны спрятали активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Всем памятны лучшие плакаты Тониэ, Шварценберга, Кукрыникса, Б. Ефимова, В. Огинского, Кокоринина, Горбкова. Всем памятны лучшие «Окна ТАСС» Соловьева-Скала, Черных, тем же Кукрыниками, Шухмина, Бубнова, Горлева. Братское признание в частях Красной Армии получили художники-фронтовики Сойферст, Пророков, О. Верейский, Дорохов, Реметников, Ромас, Фирсов, группа белорусских графиков и живописцев.

Уже созданы первые картины и скульптуры, вспомнившие начало бывшего галереи героя отечественной войны и ее художественной летописи — «Портрет Героя Советского Союза Юмашева» П. Кончаловского, «Московская крыша» Янтарской, «Гибель партизана» Ефимова. «По следам врага» Савицкого, портреты героев В. Яковлева, «Бюст капитана Гастелло» Сарри, Лебедевым, «Бюст Героя Советского Союза Талалихина» Келинина и многие другие произведения. Значение всей этой работы трудно переоценить. Народ любит художников, несет им ходу-

чество. Не случайно, что сейчас, когда под мощными ударами Красной Армии гитлеровские армии бегут на запад и в освобожденных от фашистской ярости городах восстанавливается свободная жизнь, на стенах домов, еще носящих следы временного хождения гитлеровцев, сразу же появляются советские плакаты — вестники радости, выражаясь спрятанным гневом народа.

И все же мастера изобразительного искусства сделали в дни войны не все, что в их силах. Велика ответственность художника — свидетеля и участника грандиозных боев. Конец 1941 г. и начало 1942 г. стали повторным пунктом в ходе всемирно-исторической борьбы, которую ведет наш народ. На подступах к Москвой, Балтике, Клину было положено начало разгрома самой мрачной силы, когда-либо угрожавшей свободе, независимости и счастью человечества. Будущие поколения людей, ваши внуки и правнуки, будут вновь и вновь возвращаться к этим овещанным славой дням. В исторической памяти народа немеркнущими останутся имена полководцев и героев отечественной войны, образы советских партизан — таких, как комсомолка Таня, образы геройских воинов Красной Армии — таких, как 28 гвардейцев-панфиловцев, павших смертью храбрых на подступах к Москве.

Советские художники должны на�кать в своих произведениях картины ожесточенных сражений, в которых Красная Армия ломала и дробила чудовищную машину Гитлера.

Произведения советских художников должны быть правдивым свидетельством современников великих событий. Самые гениальные творения не вмещаются в будущем отсутствия картин, созданных в дни разгрома врага, скульптур, правдиво свидетельствующих о подвигах лучших сынов нашей родины, о жертвах, которые пронес наш народ, о преступлениях фашистских мерзавцев. Такие работы художников-патриотов, современников участников исторических событий, послужат незаменимым источником познания о нашей эпохе и творческой школой для мастеров последующих времен.

Художникам надо, если они хотят выполнить свою историческую миссию, отреагировать на штампы, обновить затасканные в мастерских выставки в мастерских в самую гущу жизни.

Художественная правда — великая правда. Приобщиться к ней может только живописец, всей душой участвующий в борьбе своего народа. Стремление к такой правде должно стать страстью, и тогда глаза приобретут новую зоркость, рука — уверенность, творческое воображение —

Советский художник должен проникнуться германским духом нашей эпохи, должен остро почувствовать ее особенности, ее особый, неповторимый характер. Нельзя сейчас жить старым арсеналом ранее накопленных художественных приемов, пытавших методов работы. Новая обстановка, новые громадные задачи, вставшие перед советскими художниками, гигантский масштаб исторических сюжетов, участниками которых мы являемся, — все это властно требует от каждого хи-

Генерал-майор Н. Орлов.
Рисунок художника А. БУБНОВА.

Памят ПАНЧЕНКО

УГОЩЕНИЕ

Офицер весь потемнел от злости:
Люди укрылись, пустили всеamberы.
«Эй, старик, переполам кости,
Если нас не угощешь ты даром!»

Чует старый сердцем — будет лихо,
Пристрелил грохотом злы гады,
И сказал старик-колхозник тихо:
«Уходи, вас яхощите в хату...»

Поплотнее запер в погреб двери,
Потемнели, словно тучи, брови.
Десять немцев, десять офицеров
За столом расселись и горючат.

«Эй, живее, нацди нам браги!
Подавай еды нам белорусской!»
— Есть для вас, кровавые собаки,
У меня горячая закуска!

Бол! — И бросил им на стол гранату.
Громом грохот прокатился гневно...
Попыхнула красной местью хата.
Озарилась заревом деревня.

Пап он у родимого порога,
Сердце мужественное затихо,
А на свет пожара по дороге
Партизаны мчались, словно вихри.

На горячих конях налетели
Добавив взвесившуюся нечисть,
И клиники отточенные пели
Об отважном сердце человечьем.

Перевод с белорусского
М. ЗЕНКЕВИЧ.

Д. БРОДСКИЙ

ВОЗМЕЗДИЕ

Мы помним все: вчера мечтали вы
Разделаться в недлю с Ленинградом,
На площадях и улицах Москвы
Свой марш победный завершить

народом,
Кавказских круч достичь в кратчайший
 срок —

Там, в недрах тайных, нефтяных рек.
И народ согнувшись в бараний рог,
И в кабалу вогнать его наевки.

Зима пришла, и с каждым днем пурга
Размашист, некостюв, упрямей,
И вольчим фосфором горят снега,
Отполированы в ложь ветрами,

Приближается тот рожок для вас,
Тот извешенный и предопределенный
Возмездья час, когда вожди приказ
На залап наши двинул батальони.

Разбитые, замятые в тиски,
Будете скатываться по равнинам,

Сходить с ума от страха и тоски
Под небосводом, низких и пустынных,

И вдаль глядеть, которой нет конца,

В боях невиданных был тверд и стоец.

Как шли в атаку наши моряки,

Беудерзых, как туча грозовая,

В бушлатах черных, выставив штыки,

На бескозырках ленты развязая,

Как в ночь, под маяками острых звезд,

Шли эскадрильи с клемком орлином,

Как мертвых танков замерли моторы...

И Фридрих дрожал не врь... Об этом
свидетельствует его солдаты.

Немецкий солдат Доминикс пишет письмо домой. Он входит с русскими и смеется сообщить родным, где он и что с ним.

«Благодаря господя, я здоров. Нынче

легом мы пережили болыни тяжкие ли-
шения от марши, от головы и жажды. Это

чудесное превращение совершила Красная Армия, могучими ударами выбивающая

гитлеровских бандитов из укрепленных позиций по всему громадному фронту от Черного до Балтийского моря.

Не поведал Гитлеру 30 января с историей еще в одном пункте. Он хвастливо сказал: «Пока я жив, 1918 год не повторится».

Но 1918 год уже повторяется. Гитлер сказал 30 января: «Самое тяжелое осталось уже позади». Вильгельм, у которого Гитлер немало позаимствовал хватливости, тоже говорил: «Самое тяжелое уже осталось позади».

Он сказал это 1 августа 1918 года, а 8 августа немецким армиям насыщен был сокрушительный удар, и война была Германии проиграна. Золотучинский кайзер поклялся, что самое тяжелое осталось уже позади в то время, когда самое тяжелое только наступало! История повторяется — Гитлер не разбог русским. В этом — правда истории, в этом — главный урок! И именно потому, что история неизменно повторяется, Гитлер теперь яростно отшаривает от сравнения с эпохой Фридриха.

В декабре 1941 года Гитлер еще надеялся, что его разбитые под Москвой дивизии удержатся на своих укрепленных позициях, и сравнение с Фридрихом казалось ему не опасным. В конце января 1942 г. он видит, что наступление советских армий становится все более гроз-

вой кампанией против русских.

— Я дрожжу, думаю о приближении ис-
точной войны.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

Бот какая беда стражася с прусским солдатом Доминикусом в жаркий мильский день: пришло ему бежать от русских во всю прыть, чтобы снасти свою скакуру, и даже настый на конском паскуре, и даже настый на конском паскуре.

М. СЛОБОДСКОЙ

От сердца к сердцу

Идет восьмой месяц войны. С первых дней боев писатели оружием художественного слова служат народу. Гневно звучит голос писателя-публициста, боявая поэзия доходит до сердца советских людей, защищавших свою родину, поднимает их мужество, разжигает священное чувство ненависти к врагу.

Семь с половиной месяцев войны! Начался новый этап — накоплены силы, накоплены опыты, мы идем вперед, на заданный уничтожающей и отбрасывающей врага.

В горе и страданиях, в радости побед, в боях и на фронтовых коротках привалах, в героической работе на фабриках и заводах писатели ближе и больше узнали людей, чем могли узнать за несколько предыдущих лет. И сейчас можно уже говорить не только о том, что каждый обязан писать как можно больше, как можно лучше. Это ясно. Фронтовая работа писателя — это его гражданский долг. Так же, как инженер второе больше, ведетстрои лучше работает в полевой мастерской, ремонтируя танки или самолеты, так же, как любой рабочий или крестьянин, становится боевым командиром, решая самые большие задачи, отвечающие за жизнь сотен людей, так и писатель обязан отдать все свои силы боевой работе для фронта, для войны, для победы.

Но, повторяю, сейчас мы можем уже говорить о том, как писать. Мы должны говорить сейчас не только с цехами, но и с каждым бойцом, с каждым рабочим, с каждым человеческим сердцем. Слова эти должны быть простыми, потому что очень простые вещи нужны сейчас человеческой душе.

И прежде всего — больше любви, больше сердечности и теплоты.

Наши люди проверены в бою, каждый советский человек готов отдать жизнь за родину. И вместе с тем в часы перед боем, из которого можно не вернуться в блиндахах, в окопах люди вспоминают жен и детей. Люди думают о девушких. И многие мурлычат под нос старую, грустную, хорошую матросскую песню: «Раскинуло море широко...»

И сейчас на фронте боевые комиссары, лихие рубки-казавлеристы, отчаянные испытатели танков, многие из наших фронтовых знакомых, когда заговариваются с ними о литературе, вынырывают из кармана аккуратно сложенную вырезку из «Правды». Это не марь. Это — даже не боевая песня. Это — стихи К. Симонова «Жди меня». Они дошли до сердца, потому что сам Симонов — это по-настоящему боевой, побывавший во многих переделках, по-хорошему отчаянny военный журналист и писатель. Он сам ходил в атаку, он сам думал о девушке и поэтому написал такие стихи.

У Симонова написана целая книга таких стихов. Напечатано пока только одно. Жалко, что не все. Жалко также, что кроме него мало кто пишет такие стихи.

Доходят до сердца стихи Суркова, потому что и он, изряду со словами плачевной непреклонности к врачу, не боится прямого произнесения слова, которое может вызвать теплое человеческое чувство. Не надо бояться этого чувства на войне.

А еще в трудные военные дни человека очень нужна шутка. Смех — сильное оружие. Но это оружие сильного. Хорошо смеется только тот, кто уверен в правоте своего дела, кто твердо стоит на земле, кто знает, что он будет смеяться последним.

Наши бойцы любят смеяться. Шутка — неразлучный спутник в бою. Веселая честушка, лихая прибаутка — на вооружении любой роты, любой отдельности.

Один красноармеец присыпал в редакцию фронтовой газеты письмо:

«Сейчас я нахожусь в окопе, — писал он, — немец закидывает нас минами. Он винит, потому что мы сегодня отбили уже два эшелона психов...»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Вот обо всем этом часто задумываешься, когда разговариваешь с нашими читателями, с бойцами. От нас, от писателей, многое ждут, многое требуют. Нас любят на фронте, нас цеят воюющий за свое счастье народ. И мы должны делом отвечать на эту любовь.

A. КОРНЕЙЧУК

Будем достойны своего народа

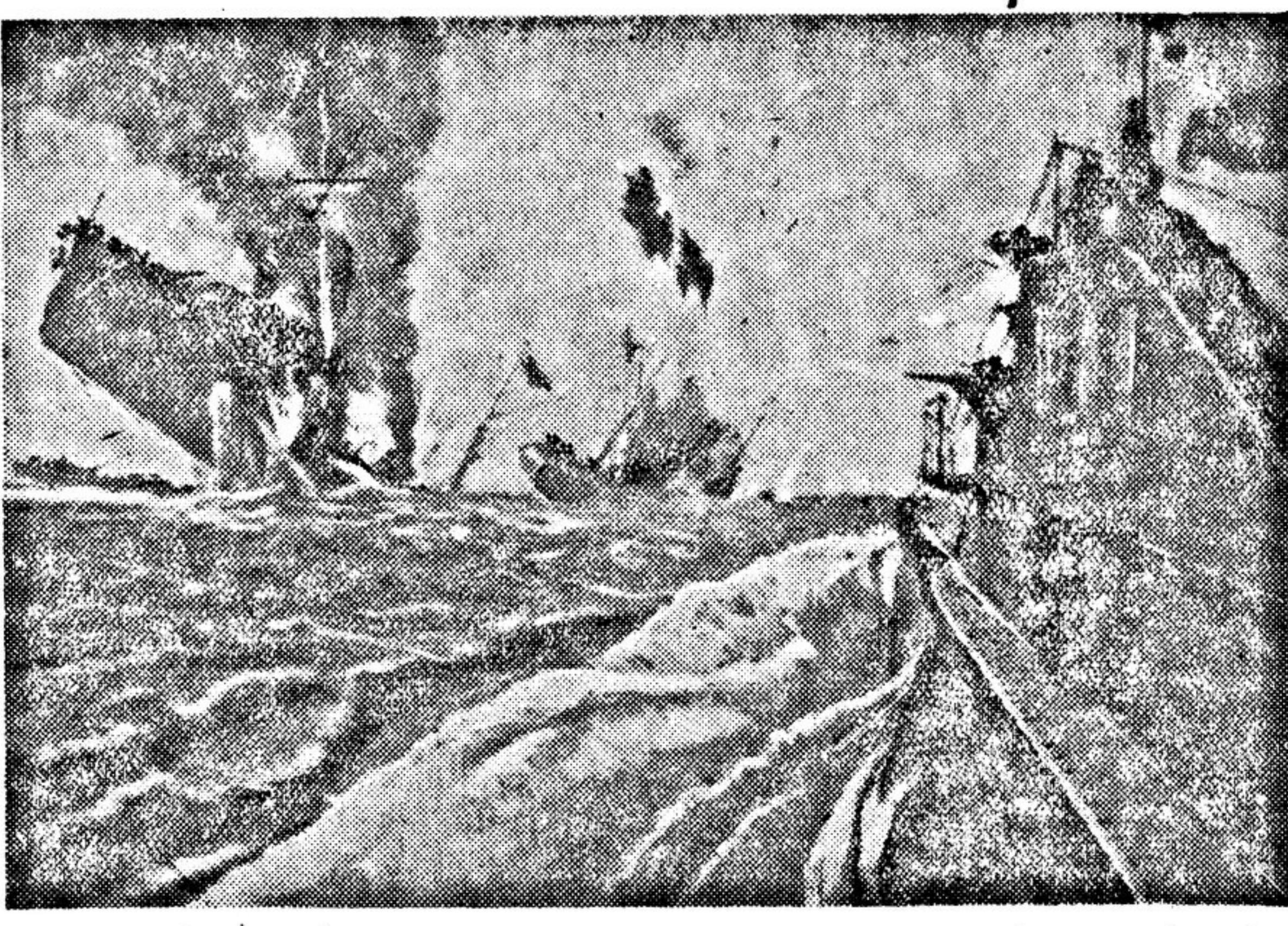
С первых дней войны украинские писатели были поставлены в особо тяжелые условия работы. Совершив свое великолепное нападение на Советский Союз, Гитлер сразу же подверг наши мирные города и столицы родной Украины — Киев сильным бомбардировкам. Немцы прорвались к городам и селам цветущей республики огромными армиями. Они рассчитывали своим бесчисленным наступлением растерпинуть в нашу среду, подрывать веру в возможность нашей победы. Но украинский народ, как и весь советский народ, не растерялся.

Когда враг напал на нашу землю, когда рушились дома, пылали села, когда Красная Армия, отступая, наносила врагу удар за ударом, украинский народ хотел услышать от своих писателей патриотическое слово, призывающее к решительной борьбе. И не было в нашей среде, за самым редким исключением, таких людей, которые сразу же наставили бы этой естественной народной потребности.

Голос украинского писателя-патриота зазвучал громко. Клятва поэта Бажана о том, что «николи, николи не буде Украина рабом німецьких катів», стала лозунгом всего народа. Не было ни одного собрания, ни одного митинга, где бы не цитировались эти прекрасные слова. Не было ни одной резолюции, в которой их не приводили бы. Они перестали быть собственноюностью автора, они стали народной мыслью, общим достоянием.

В первые же дни войны выдающийся поэт Украины Павло Тычиня напел неожиданные глубокой любви к родине слова и гневные слова, адресованные врачу. Прекрасные стихи написал крупнейший наш поэт Максим Рильский. Когда он затем читал свою поэму «Слово про рідину маті», в Саратове на всесоюзном митинге, люди, слушавшие ее, плачали, настолько сильны были ее слова и образы. Нам рассказывали, что прохожие на улицах останавливались у преподавателя и были потрясены силой этих строк.

Никогда еще украинские писатели не выражали в своих произведениях столь же нежной любви к своей родине, как оплодотвори-

B. Штранх. «Морской бой».

M. РИЛЬСКИЙ

ДВІ ПОЕЗІЇ ПРО РІДНЕ СЕЛО

1. Мое село

Там здесь, у синий тьми, мое село лежить.
Де сігі побачив я, де річ непросту — жити
Бичка павломаць, як чище півгорізонт
Коденсну золоту.

Древній Ілья
С лошадьми его в сбруї
Ночь увінчена, Хорунжикови избили,
Сели ряйськи птиць, Сифілоса заразили
Всех святих девиць.

Це стихотворение было напечатано во «Фронтовом море» — сатирическом журнале Западного фронта. Этот журнал пользуется огромной популярностью, его редакция ежедневно получает 25—30 писем бойцов.

Да не только в письмах, в самом военном быту, в разгаре боя то и дело слышатся шутки.

Командование одной батареи узнало, что немцы в занятой ими деревне собираются смотреть свою кинохронику.

Артиллеристы решили накрыть одним залом всех зрителей, когда они соберутся в сарае. Произвели все расчеты, приготовились. Но дерево посыпало наблюдателя.

— У них назначено на 8 часов, — сказал командир, — подождем еще минут десять. Нельзя же обижать опоздавших.

— У них назначено на 8 часов, — сказал командир, — подождем еще минут десять. Нельзя же обижать опоздавших.

Командование одной батареи узнало, что немцы в занятой ими деревне собираются смотреть свою кинохронику.

Артиллеристы решили накрыть одним залом всех зрителей, когда они соберутся в сарае. Произвели все расчеты, приготовились. Но дерево посыпало наблюдателя.

— Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

Сеанс окончен! — сказал он.

Недавно на обитые дороги, под Клином, мы видели монстра танк, брошенный немцами. Карабыто штурмами вылез мелом на черной броне: «До Берлина без банина тонай, тонай!»

Фронт смеется. В разноголосице боя эти гроховые залпы уничтожающего смеха настигают и разят врага.

В каждой армейской газете есть уголок юмора. А весенний сатирический журнал «Крокодил» и мы, и хи, и не ходят до фронта. Сатирический журнал, свой, красноармейский, есть только на Западном фронте. Почему так? Потому не создать красноармейский журнал для всех фронтов, для всей армии? Это необходимо сделать.

